

ФИЛОСОФСКАЯ ДЕСКРИПЦИЯ ВАЛЕРИЯ САВЧУКА*

В отечественном философском сообществе сложилась достаточно своеобразная ситуация: в нем возникла проблема формирования своего дескриптивного материала. Мы не можем в рамках данной статьи объяснить, в силу каких причин отечественные философы все чаще отказываются от этой задачи. Но мы можем констатировать тот простой факт, что в философствовании все реже проявляется прямая дескриптивность, философ не описывает свой предмет, он лишь удерживает его в своем умозрении. В этом уникальность российского философского сообщества. Все остальные интеллектуальные сообщества так или иначе ее решают.

Из этой ситуации философы предпочитают выходить, как правило, двумя путями: либо заниматься бесконечным комментированием классических философских текстов и тем самым сохранять свою профессиональную идентичность, либо обрести новую профессиональную идентичность — став политологом, культурологом, социологом, конфликтологом и т.п.

Те, кто выбирают второй путь, могут именоваться философами в лучшем случае лишь по масштабу постановки проблемы. Их философствование может распознаваться по наличию определенного набора терминов, вне какой-либо зависимости от предметной направленности самого рассуждения.

Те, кто предпочитают первый путь — уходят в технику, виртуозно отслеживая интертекстуальные связи Аристотеля, Канта и Гуссерля. На этом пути возникает соблазн: умело пользуясь техникой комментирования, латентно отказаться от профессиональных практик, сохранив при этом легитимность своей позиции. Это — позиция *профессионального инфантилизма*: бесконечно заниматься деконструкцией философских текстов, отказывая во внимании обыденному сознанию. Но что порождает такой инфантилизм? Отсутствие своей дескрипции.

В этой ситуации Валерий Савчук берется деконструировать обыденное сознание, принципиально сохраняя свою профессиональную идентичность — идентичность философа. Он находит способ формирования дескрипции — в описании современного художественного опыта: «художественный опыт <...> совпадает с тем, на что в итоге ориентирован философ» (С. 187). «Современная философия активно включает в предмет своих исследований явления искусства, которое во второй половине XX в. стало, пожалуй, более смыслоносущим, чем *естествознание* <...> Но философ не столько оценивает произведение и соотносит его с традицией, сколько *изобретает язык*, на котором возможно сегодня говорить, в том числе и о современном искусстве» (С. 183–184). Отметим для себя оборот «в том числе и» — к нему мы еще вернемся. Уместно привести еще одно высказывание автора о значимости художественного опыта для философа: «Философ, *если он актуален*, находится по одну сторону баррикады с художником, так как задается тем же опытом про-, вы- и переживания. <...> Философ совпадает сегодня с художником в точке *рецепции* жизни, в скорости реагирования и аутопоззиса» (С. 187).

И в этом, по мнению автора, нет ничего удивительного: «Ситуация в культуре типична: к философии обращаются тогда, когда привычные формы идентификации не работают» (С. 187). В принципе, в этом решении нет ничего нового и сам автор это подчеркивает, указывая на позицию ведущих философов XX в., но важен не выбор пути, а реальное движение по нему, то движение, которое и способствует выходу из вышеуказанной ситуации для отечественных философов.

* В. Савчук. *Конверсия искусства*. СПб.: Петрополис, 2001.

Что описывает Валерий Савчук в своей книге «Конверсия искусства», какой художественный опыт он анализирует по преимуществу? Это — опыт художников-авангардистов, точнее, акционистов. Привлечение внимания именно к ним обусловлено тем, что «по целому ряду направлений эксперименты остаются возможными только в искусстве. <...> Именно художники под предлогом неоспоримой в лево-радикальном стане идеи *самовыражения и творчества* реализуют такие акции и проекты, которые демонстрируют, например, возможность подчинения человека программе компьютера, проигрывают пределы манипуляции телом человека на расстоянии, испытывают пределы трансформации тела, пределы боли и страха» (С. 50). Автор приводит интересные высказывания Аллы Митрофановой и немецкой исследовательницы перформанса Ута Ритчел о *рефлексивном внимании* к собственному телу у художников-акционистов. Алла Митрофанова: «Если бы ученые смогли вшивать жабры, то первыми бы вшили их себе художники» (С. 50). Ута Ритчел: «Половина перформансов, показанных на Западе, делалась в большей или меньшей степени с риском для жизни художника» (С. 50). Акционизм напрямую сопрягается с опытом телесности, и именно здесь, как полагает автор, современный философ находит материал для своих занятий. Причем в этом опыте акционизм совпадает с той формой мысли, «которая хотя и присутствует в истории философии <...> но по сей день не имеет своего продолжения»: речь идет о той форме философии, которая, активно участвуя в жизни полиса, сообщества, community, «влечет возвращение соответствующего типа рефлексии — топологической рефлексии [*разрядка здесь и далее наша — В.С.*], которая в движении от визуального образа к интерактивному действию опирается на позитивное отношение к миру, на новую серьезность» (С. 83). Автора уже не устраивают методы критики и деконструкции, ему не интересна тотальная игра, только «топологическая рефлексия, сочувствующая топосу, в котором она способна производиться» (С. 132), возможна для него как перспективная поведенческая установка современного философа.

По сути дела, автор призывает к рефлексии своего местоположения, ограниченного возможностями своего тела. Акционизм здесь выступает как рабочая площадка для проверки выбранной перспективы. Один из параграфов книги так и называется: «Акционизм как форма топологической рефлексии». В этой главе сформулирован очень важный для понимания позиции автора тезис: «Философу, как и художнику, в техноинформационном мире противопоказано “чистое” умозрительное творчество. Философ, живший “по своей мысли”, приходит не столько к телу (проблема телесности звучит у многих современных философов) <...> сколько <...> к публичному действию...» (С. 85).

Перед нами философ, осознавший себя публичной фигурой, обращенной не только к философскому профессиональному сообществу, но и к публичному пространству города. Причем к городу (топосу) он обращается как философ и не столько с целью просвещения, сколько с целью презентации себя и своей рефлексии относительно интеллектуального опыта последних десятилетий. Это и делает Валерий Савчук, представляя интересы и эстетику тех интеллектуалов/художников, кто так или иначе воспринимает себя за рамками профессиональных сообществ и видит себя в пространстве города. Не случайно автор «Конверсии искусства» в течение двух лет вел семинар «Академическая/маргинальная мысль и современное искусство: стратегии узнавания» на внецеховой территории «Пушкинская, 10, галерея 103».

Философское сообщество, занимая свое место в культуре, разворачивается в определенной перспективе, и профессионализм здесь состоит в выработке навыка интертекстуальности. Философская рефлексия автора «Конверсии искусства» содержит в себе интертекстуальность, но это интертекстуальность иного рода, нежели у «хранителей канона». Для него равно важны суждения и «медиа-философа» Аллы Митрофановой и Ж.-Ф. Лиотара, и просто художников типа Валерия Лукки и Дмитрия Пиликина. Именно тут у Валерия Савчука наиболее уязвимое место: он интертекстуален не так, как это принято у отечественных академичных философов. Его источники принципиально из разных рядов,

уровней, плоскостей, и это его совершенно не смущает. Иначе говоря, он совершенно не верит, что существует *работающая* иерархия философских авторитетов, для него совершенно не очевидно, что можно проделать «опыт самопонимания», отслеживая, как Гегель «прочел» Канта, а Гуссерль — Гегеля. Если тот философ, который видит свою задачу в знании текстов, *конструирует из этих текстов реальность*, уподобляясь в этой ситуации филологу — о чем прочел, о том пишу, — то Валерий Савчук интертекстуален за счет того, что *текстуализирует реальность*. В этом он подобен этнографу и антропологу: что пронаблюдал, то и описываю. А описывает он перформанс финна Теэму Мяки с убийством кота, виртуальное кладбище «Новые литературские мостки», Санкт-Петербург в художественной фотографии Михаила Пикалова и Александра Китаева, инсталляции «Крылья желаний и сапоги сознания» и «Смерть платья», акции «Товарищества Новых тупых», объекты Олега Янушевского, антарктические демарши пары Комельфо, новую городскую скульптуру и т.д.

Подчас суждения автора умозрительны, но они помогают следить за тем, как формируется дескриптивный материал. Поэтому следить за ходом мысли в «Конверсии искусства» интересно. Интересно читать о том, что «живя в так называемом “информационном обществе”, мы на самом деле существуем в эпоху удивительного дефицита информации» (С. 16), или о том, что «дисциплины (т.е. в потенциале фашизма) сегодня гораздо больше в обществе охраны животных, пацифистов, зеленых и т.д., чем в традиционных тоталитарных обществах» (С. 104), или о том, что есть один верный способ добиться популярности в современном обществе: «выражать интересы и эстетику какого-либо меньшинства» (С. 47). Возможно, то, что говорит В. Савчук, выглядит очень сомнительно с точки зрения истинности, но перед философом, в отличие от ученого, никогда не стояла задача истинности: философ должен быть интересным, а для этого он должен говорить спорные вещи.

Наверное, не раз о нем (докторе философских наук, профессоре философского факультета СПбГУ) говорили как о философствующем художнике, свободном интеллектуале и т.п. Но то, что мы видим в книге Валерия Савчука, можно определить как сугубо философский комментарий, ибо предметом этого текста не является нечто ограниченное. В художественной жизни современного общества он видит метафору жизни вообще — вспомним, что «философ не столько оценивает произведение, сколько *изобретает язык*, на котором возможно сегодня говорить, *в том числе и о современном искусстве*». Среди некоторых философов в свое время была популярна апелляция к психологии, но как те философы на самом деле говорили не о психических процессах, так и Валерий Савчук говорит не о художественном, а чем-то таком, что можно понять, если указывать на конверсию искусства в современном мире.

Конечно, очень трудно формально разделить философские и нефилософские тексты, потому что философский труд может иметь, к примеру, форму научного исследования: ссылки, полемика и т.д., и предмет этого текста не всегда бывает очевиден. Главное так сформулировать задачу, чтобы самого текста для ответа было достаточно. Валерий Савчук с этой задачей справляется.

В.Е. Семенков